

С ОСЕНИ 1916 года моя сценическая деятельность в течение нескольких лет была

ВЕЧЕР В КРЕМЛЕ

Это придавало мне сил. Будто убеждало, что Владимир Ильич понимает слова Райниса,

связана с латышскими стрелками. Я работала в Театре комедии в Риге, в то время прифронтовом городе. Спектакли наши в основном посещали стрелки. Используя увлечения между боями, они всегда стремились зайти к нам. Когда Рига пала, часть стрелков переехала в Цесис, а оттуда в Петроград. Наступил Великий Октябрь. Вскоре Совет Народных Комиссаров переехал в Кремль. Москва стала столицей первого в мире государства рабочих и крестьян.

В те бурные дни я, профессиональная актриса, не могла сидеть сложа руки. Я поступила на работу в бывшее Александровское военное училище на Арбате, в штаб Красной гвардии, который затем преобразовался в военный комиссариат Москвы. Там я стала делопроизводителем-машинисткой. Одним из адъютантов коменданта Красной гвардии — Пиецца был актер Альфред Аустриньш.

После работы мы нередко участвовали в вечерах и театральных постановках стрелков. По вечерам во время репетиций к нам приходили участники самодеятельности. Они искали новый репертуар. Все требовали пьесы, соответствующие эпохе, но таких почти еще не было. Волей-

неволей приходилось мириться с тем, что попадалось под руки.

Среди немногих записок, которые сохранились у меня с той поры, я нашла листочки с заметками о спектаклях латышского театра в Москве в начале 1918 года.

Оживленная культурная работа велась и среди латышских стрелков, которые охраняли Кремль. Первыми постановками руководил Альфред Аустриньш. Он рассказывал, — я и теперь это хорошо помню, — что Ленин очень доброжелательно отзывался об активности стрелков в культурной работе. Однажды заведующий культурной работой в Кремле (к сожалению, в памяти не осталось его имя) вызвал Альфреда Аустриньша и по поручению Ленина посоветовал ему выбрать для театральных постановок какой-либо из более просторных залов Кремля и соорудить там сцену.

Представители стрелков осмотрели роскошные залы, но решили, что при сооружении временной сцены, они могут испортить зал, и выбрали поэтому более простое, довольно большое и еще не занятое помещение, в котором и соорудили небольшую сцену.

Среди стрелков было несколько

художников. Они изготовили занавес и декорации, используя для этой цели найденные на каком-то складе, частично уже обгрызанные крысами полотна портретов прежних царей. Затем узнали от заведующего отделом культуры в Кремле, что Ленин, выслушав сообщение о выполнении его указания, признал выбор помещения для постановок и доводы стрелков правильными.

— Именно так поступает настоящий хозяин народного добра, — добавил Владимир Ильич.

Первого мая 1918 года Альфреда Аустриньша и меня пригласили выступить с чтением стихов на митинге в Кремле. Ясно помню: с утра была пасмурная погода, но она не мешала невиданной демонстрации трудящихся Москвы, которые с песнями и музыкой прошли по Красной площади.

После демонстрации там же состоялся внушительный парад Красной Армии; в нем, вместе с сотрудниками Московского военного комиссариата, участвовала винтовкой на плече и я.

Под вечер мы направились на митинг латышских стрелков в Кремле в круглый Екатерининский зал — теперь Свердловский. Пришел к нам

и Ленин, а вместе с ним — Свердлов, Бонч-Бруевич, Коллонтай и другие.

Митинг открыл Владимир Ильич. Просто рассказывал он о майском празднике в прошлые годы, дал общую характеристику положения в стране и мире. Резко говорил о тех сотрудниках, которые не соблюдают революционную законность. Беспощадно указывал на ошибки.

На митинге выступал и Свердлов. У него была другая манера говорить, тоже весьма внушительная. Мысли выражал он темпераментно, в коротких предложениях. С речами выступило и несколько стрелков.

Когда позвали на возвышение читать стихи, меня охватило чувство страха, волнения и ответственности. В зале — Ленин! Не зная языка, он будет скучать. Но, как только я вышла, остановилась и взглянула в зал, я заметила внимательное лицо Ленина и обращенные ко мне взгляды борцов революции — стрелков. Сразу же обрела равновесие, почувствовала уверенность, прилив сил. Я читала пророческий «День страшного суда» Райниса. И эти стихи в дни борьбы, когда лютые, открытые и замаскировавшиеся враги угрожали молодой Советской власти, звучали вдвойне метко:

Погибнут сотни,
Но вместо них
Немало тысяч
Придет других.
Замолкнет голос,
Но в тот же миг
Другие десять
Подхватят крик...

Я читала еще «Перекличку» Райниса, стихи, выражающие идею единства и братства рабочих всего мира:

Как будто ветров переклична,
Друг друга слышим ближе
и ближе.
Родину слышим, Вселенную
слышим.
— Братья, вы на страже?
— Мы на страже, мы на страже!
Мы внимаем, братья,
мы слышим!
Мы внимаем, братья,
мы видим!
Мы на страже!

Когда я читала эти строки, казалось, Райнис стоит рядом со мной. Я чувствовала его слова столь же глубоко и полно, как и сам поэт. И Райнис словно перекликался с Лениным. Иногда обратив взгляд в зал, на Владимира Ильича, я видела, что он внимательно слушает.

Когда я кончила читать, меня повели в зал. Рядом с Лениным было свободное место, и меня посадили там. Когда я читала стихи, у меня нервы были напряжены до предела, а теперь я окончательно смутилась. Чуткий взгляд Ленина, приветливая улыбка меня успокоили, а слова его стали наградой на всю жизнь.

Ленин сказал, что он, правда, не знает латышского языка, но мое умение читать, интонации, глубокая прочувствованность дали ему представление о том, что выразил в поэзии Райнис.

После меня Альфред Аустриньш читал «Блудного сына» Райниса и «Белую ночь вагонов» Аспазии. Он тоже был не меньше взволнован, когда его посадили рядом с Лениным на место, которое освободил какой-то товарищ.

Аустриньш вспоминает, что Ленин, заметив его волнение, успокаивал, дружески положил ему руку на плечо и сказал: «Хорошо, хорошо».

Ленин вскоре ушел. Ему подали какое-то, очевидно, срочное сообщение, и он быстрым шагом вышел из зала.

Паула БАЛТАБОЛА,
заслуженная артистка Латвийской ССР.